

Наука травмы / травма науки

ОНФЕРЕНЦИЯ «Гуманитарные науки: советская травма в постсоветскую эпоху» (16–18 мая 2013 года, Высшая школа экономики, Москва), статьи участников которой представлены в этом блоке, началась с вопросов. Эти вопросы возникали во время двухлетней работы стихийно сложившейся междисциплинарной и межвузовской группы и серии неформальных семинаров. Встречи группы проходили на фоне общего подъема гражданской и общественной активности в стране в 2010–2013 годах, а сама она стала площадкой для обсуждения современных проблем гуманитарной науки.

В попытке взглянуть на самих себя со стороны мы начали с перечисления и описания тех принятых в академическом сообществе постсоветского пространства практик, которые, на наш взгляд, тормозили развитие гуманитаристики. Мы сталкивались с этими явлениями в повседневной работе, они казались иррациональными и контрпродуктивными, но тем не менее постоянно воспроизводились. Среди них — раскол и атомизация дисциплинарных сообществ, неопределенность статусов, страх взаимной критики и агрессивные формы ведения диалога, предпочтение систематизации «готового знания» выработке новых теорий, запрет на продуктивную работу с незавершенным настоящим, ощущение вторичности по отношению к мировой науке, некритическое восприятие и усвоение западных теорий. Представлялось важным понять, в какой степени мы имеем дело с сохраняющим свою силу влиянием прошлого опыта или современной локальной политики, а в какой — вписаны в общие мировые тенденции.

Существует множество работ по политике советского государства в области гуманитарных наук: лингвистики, литературоведения, истории, философии, богословия и др. Считается, что определенные репрессивные механизмы были интегрированы

в само производство науки. Жизни многих ученых были сломаны: они были сосланы, расстреляны или ущемлены в правах на институционализацию своих исследовательских программ. «Догоняющий» подъем в сфере гуманитарного знания на рубеже 1980–1990-х годов был связан с освоением ранее запрещенной или закрытой научной информации. Однако проект «новой гуманитаристики» во многом так и остался переводным, лишь осваивающим теоретические и практические знания, произведенные за его рамками. Многие институциональные структуры оказались неспособны преодолеть инерцию советского прошлого и интегрировать «новое» в механизмы воспроизводства научного знания. Мы хотели выявить не до конца осмысленные следы советского опыта и обсудить стратегии, с помощью которых различные гуманитарные и художественные сообщества работают с этим опытом сегодня. Нам также были интересны современные явления, дающие надежду на переработку травмы и выход за пределы ее воспроизводства — к новому ощущению профессионализма и солидарности российского гуманитарного сообщества.

Конференция была задумана как поле для исследования, дискуссии и взаимодействия различных сообществ. Наша задача была инструментальной — надо было с чего-то начинать в попытках самоописания, а также в поисках путей решения обозначенных проблем. В качестве рабочей была принята гипотеза «травмы» и особенно «коллективной травмы» (как категории, описывающей надындивидуальные аспекты опыта). Однако, хотя у членов оргкомитета¹ был консенсус по поводу нуждающихся в анализе явлений, согласия по поводу достаточности концепции «травмы» не было изначально. Кроме того, при обсуждении концепции конференции с коллегами вне группы само слово «травма» вызывало достаточно заряженное эмоционально противодействие. Критики утверждали, что прошлое стоит «забыть и жить дальше», что концентрация на роли жертвы позволяет успешно избегать деятельной активности, например, по защите своих трудовых интересов. Мы также понимали, что в процессе работы на стыке дисциплин понятие травмы нередко становится расплывчатым, употребляется как удобное, обтекаемое и пластичное, вмещающее все возможные смыслы, связанные с болью, аффектом или иррациональным поведением. Но в итоге было ре-

1. В оргкомитет входили Татьяна Вайзер, Евгения Вежлян, Софья Данько, Диана Гаспарян, Татьяна Левина, Александр Марков, Виктория Мусвик, Виктория Файбышенко.

шено все же принять эту концепцию с возможностью проблематизации и уточнения.

Оглядываясь назад, можно отметить: *trauma studies* как весьма сложно устроенное, но при этом влиятельное поле в какой-то степени поглотило первоначальную концепцию конференции, рассмотрение особенностей самого научного сообщества нередко уходило на второй план. Однако, на наш взгляд, нам все же удалось в достаточной степени реализовать исследовательский потенциал понятия «травма» для изучения процессов, действующих в российской науке, а также обсуждения возможных путей возрождения дискуссионной среды в гуманитарном сообществе. Наше мероприятие было одной из конференций, а также семинаров, публикаций и художественных проектов, посвященных «травме прошлого» в постсоветском обществе².

В данный блок «Логоса» вошли статьи, анализирующие конкретные современные и исторические примеры, исследования на параллельных культурных полях, а также попытки генерализующих размышлений о соотношении понятий «травма» и «советский опыт». На наш взгляд, эти публикации интересны как сами по себе, так и в контексте конференции. Так, например, часть активно обсуждавшейся в ее рамках актуальной проблематики, связанной с современными гуманитарными сообществами, «выпала» из итогового блока (по воле самих авторов докладов, не все из которых были оформлены в статьи). Она уступила место историческому анализу, а рефлексия гуманитариев по поводу самих себя — исследованию материала, хорошо вписанного в *trauma studies*. Причина этого, возможно, в том, что наиболее трудноуловимое, «хаотичное», происходящее пря-

2. Например, конференция «Травма прошлого в России и Германии: психологические последствия и возможности психотерапии» (Москва, 27–29 мая 2010 года); конференция *Between history and past: Soviet legacy as the traumatic object of contemporary Russian culture* (Шеффилд, 30–31 октября 2010 года) и др. Особенный всплеск интереса к коллективной травме произошел весной 2013 года, когда, помимо описываемой конференции, независимо друг от друга прошли также XXI Банные чтения «Неофициальная меморизация травматического опыта» (Москва, 5–6 апреля 2013 года) и V Междисциплинарный семинар «Литература и социальные науки» (Москва, 2 апреля 2013 года), докладчиками на котором выступили Илья Кукулин («Отложенная боль: воспоминания „поколения внуков“ о травматических событиях XX века — от Бориса Херсонского до Джонатана Литтелла») и Оксана Мороз («Посттравматическая жизнь: интонация свидетеля в русской литературе конца XX века (Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин)»).

мо на наших глазах тяжелее всего поддается анализу, особенно при отсутствии научной традиции работы с современным материалом и длительном подавлении независимой исследовательской мысли, обращающейся к актуальному. В этом можно увидеть влияние проблематики, обсуждавшейся на конференции: нехватка языка, трудность рефлексии, сложность работы с категорией «современного» и пр. Заставляет задуматься и тот факт, что доклады специалистов психотерапевтического и психоаналитического полей в очередной раз по самым разным причинам выпали из итогового блока статей. Можно также провести параллель со спадом гражданской активности последних двух лет, связанным с конкретными действиями политиков по подавлению начавшейся дискуссии.

Три первые статьи блока можно отнести к разделу «Травма науки».

Ян Левченко анализирует реакцию литературных критиков 1920-х годов на сочинения формалистов: травлю в литературной среде, где разбор художественного произведения превращался в разнос, а суждение сводилось к осуждению. Оскорбление оппонента и угрозы в его адрес не просто становились нормой в литературных журналах, а знаменовали возникновение нового дискурса; происходила замена дискуссии хамством и руганью. Левченко предполагает, что эти и другие примеры закручивания риторических гаек можно рассматривать как прелюдию репрессий.

Виктория Файбышенко затрагивает тему нормализации травмы в историческом аспекте. Она пишет об Эвальде Ильенкове и его взаимоотношениях с идеологической средой в 1970-е годы. Ильенков — гегельянец, который в борьбе за «чистоту марксизма» проиграл академическим идеологам. Подвергнувшись травле на страницах научных журналов, столкнувшись с отказом в печати книги, Ильенков тем не менее пытался найти пути понимания в этой среде. Он как будто не видел травматических последствий социалистической идеологии, пытаясь исправить ее, продумав в гегелевских и марксовских понятиях. Как утверждает Файбышенко, у Ильенкова «травма сокрыта под нормой».

Исследование Михаила Павловца продолжает тему нормализации травмы, но на современном материале — учебниках по русской литературе для 11-го класса общеобразовательной школы под редакцией Виктора Журавлева и Виктора Чалмаева. Исследователь анализирует, как авторы учебников проводят адаптацию фигуры Сталина для старших школьников, последовательно дают ее

положительную или нейтральную оценку в контексте литературы советского времени. В учебнике нет попытки рассмотреть сталинизм как явление, некоторые факты фальсифицированы. По мнению Павловца, учебник является попыткой «нормализации травматического опыта советской истории ее адептами» как в литературной, так и в научной среде.

Две следующие статьи могли бы быть отнесены к разделу «Наука травмы».

Елена Рождественская анализирует противоречивость концепции «культурной травмы», основные виды методологии ее исследования. Тема статьи — музеификация холокоста и стратегии моделирования исторической травмы. Объекты анализа — Еврейский музей в Берлине и Американский мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, а особенно — Еврейский музей и центр толерантности (ЕМЦТ) в Москве. Автор указывает на нарушение в ЕМЦТ баланса эмоционального потребления и развлечения в пользу концепции «музея-аттракциона», на ограничения в спектре толерантности, arrogance и достаточно слабое присутствие сюжета меморизации погибших евреев (первичной в других музеях). ЕМЦТ рассматривается в контексте вписанности в отечественные конвенции и политический дискурс, сквозь призму советского и российского опыта.

Николаю Кобылину и Федору Николаи «волна *trauma* и *memory studies*» видится не как локальный феномен: она захлестнула гуманитарные исследования и в западном мире. Их интересует продуктивность уже выработанных понятий применительно к российскому (советскому) прошлому. По итогам работы с ветеранами войн в Афганистане и Чечне делается вывод о важности самостоятельных решений, без использования готовых клише *trauma studies*, о значении «осторожной разведки» и «феноменологического описания», открытого диалога с различными исследовательскими течениями. Авторы подчеркивают необходимость отказаться от маргинализации и медикализации афганского и чеченского синдромов, учитывать осмысление ветеранами собственного опыта, их стремление перевести артикуляцию из «частного пространства в публичное поле».

Проблемы, с которыми научная среда сталкивается сегодня, во многом коренятся в академических практиках советского времени. Однако на наших глазах происходит формирование критически настроенной среды, причем среды не «огульной критики» со стороны идеологов, а критики как внимательного взаимного прочтения и обдумывания предлагаемых аргументов.

Возникает рефлексивное сообщество, которое стремится развить коммуникативную научную среду, внимательно отзывающуюся на представленную работу. Монологичный характер советской идеологии оставил нам в наследство лагуну репрессированной коммуникации, преодоление которой — дело этоса научной солидарности.

Татьяна Левина

Кандидат философских наук, доцент Школы философии
НИУ ВШЭ

Виктория Мусвик

Кандидат филологических наук, приглашенный доцент,
аффилированный исследователь ЕГУ (Вильнюс)